

На правах рукописи

Климова Ксения Анатольевна

**Новогреческая
мифологическая лексика
в сопоставлении с балканославянской**

Специальность

*10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание*

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2009

Работа выполнена в Отделе этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН

Научный руководитель *доктор филологических наук*
Плотникова Анна Аркадьевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Михайлова Татьяна Владимировна**
кандидат филологических наук **Мороз Андрей Борисович**

Ведущая организация:

**Санкт-Петербургский государственный университет.
Филологический факультет, кафедра общего языкознания,
отделение византийской и новогреческой филологии**

Защита состоится **3 марта 2009 г.** в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН

Автореферат разослан **27 января 2009 г.**

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

И.Е. Адельгейм

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена анализу мифологической лексики новогреческого языка и соответствующей лексики языков балканославянского ареала. Особый интерес для исследователя представляет новогреческая мифологическая лексика, и настоящая работа является первым опытом системного описания новогреческой диалектной мифологической лексики и ее сопоставительного анализа с соответствующей южнославянской лексикой. В отличие от лексики древнегреческого языка, новогреческая терминология остается, с одной стороны, малоисследованной, а с другой стороны, существует обширный опубликованный и неопубликованный диалектный материал, который может быть использован для ее изучения.

Под словосочетанием «новогреческая мифология» в диссертации подразумевается система мифологических воззрений, сформировавшаяся в народной культуре Греции в Средние века и зафиксированная в источниках XIX–XX вв.

В качестве ключевого элемента народной демонологии рассматривается мифологическая лексика новогреческого языка и ее соотношение с аналогичной диалектной лексикой южнославянских языков (болгарского, македонского, сербского), которые входят в так называемый балканский языковой союз (БЯС). Несмотря на то, что ряд исследователей оспаривает наличие БЯС, его изучению посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных исследователей, таких как К. Санфельд, Н. Трубецкой, Т.В. Цивьян, А.В. Десницкая, Т.М. Николаева, А.Н. Соболев и др.

Помимо общих черт на языковом уровне, согласно гипотезе, высказанной Т.В. Цивьян и поддержанной многими другими учеными-балканистами, можно говорить еще и о специфической балканской модели мира (БММ). Народы, населяющие Балканский полуостров, обладают сходными мифологическими воззрениями, культурными представлениями и т. д., что позволяет выделять, помимо языкового союза, еще и балканский культурный союз, в который входят Греция и страны восточной части Южной Славии.

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью систематического описания и анализа мифологической

лексики современного греческого языка как одного из важнейших источников для изучения этнического слоя национальной культуры греческого народа, его специфических представлений о мире. Кроме того, новогреческая народная культура в российских научных трудах до сих пор остается малоисследованной, и хотя в последнее время ей уделяется некоторое внимание в работах молодых ученых О.А. Бакулевой, С.А. Сидневой, О.В. Чехи, крупных работ, посвященных новогреческой демонологии, в России на данный момент не существует.

Научная новизна работы заключается в принципиально новом подходе к изучению новогреческой народной традиции, согласно которому через призму диалектной лексики выявляются характерные особенности новогреческой народной мифологической системы, а также в стремлении показать высокую эффективность применения к греческому материалу подходов, разработанных в рамках исследований московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого.

Предметом исследования является диалектная лексика новогреческой, а также балканославянской мифологии, в которую включаются названия и имена демонологических персонажей, лексемы, производные от этих имен, которые могут относиться напрямую или косвенно к области «низшей» мифологии, а также лексические единицы из общего словарного фонда языка, приобретающие особое значение в мифоритуальном контексте.

В ходе работы применялись в основном этнолингвистический, структурно-описательный, ареально-типологический и сопоставительный *методы анализа*, а также элементы структурно-семантического, этимологического и функционального анализа.

Теоретической базой для диссертации послужили исследования ряда российских и зарубежных ученых в области этнолингвистики, мифологии и фольклора (Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Л.Н. Виноградовой, А.А. Плотниковой, И.А. Седаковой, М. Филипповой-Байровой, И. Георгиевой, Н.Г. Политиса, Г.А. Мегаса, Дж. Лоусона и др.)

В качестве *источников* материала использовались как филологические источники, то есть разного рода новогреческие, бол-

гарские, сербские и македонские словари, фольклорные тексты, а также этнографические источники, то есть описания обрядов, имеющие мифологическую составляющую и включающие специфическую лексику. Все источники можно разделить на несколько категорий:

1. Лексикографические источники. Словари разных типов: толковые, этимологические, диалектные, фразеологические, фольклорные, мифологические.
2. Фольклорные тексты мифологического содержания: былички, сказки, поверья, запреты, паремии, другие малые фольклорные жанры – проклятья, заговоры, загадки, народные песни, легенды, заклинательные формулы, формулы запугивания, обмана детей. Основным источником материала для новогреческой части нам послужил сборник Н.Г. Политиса «Παραδόσεις», а также сборники греческих народных песен, и многочисленные тексты, опубликованные в журнале «Λαογραφία» и других изданиях.
3. Этнографические описания: обряды ряжения на Рождество, на Масленицу, обряды гадания на день св. Ивана, календарные переходные обряды (новогодние, мартовские, августовские), обряды семенного цикла: родильные, свадебные, похоронные; сельскохозяйственные обряды; народная магия.
4. Полевые источники: собственные записи автора, сделанные во время экспедиций на о. Родос и в область Мани, а также в других районах Греции в период с 1999 по 2003 год.

Цель работы – определение состава диалектной новогреческой мифологической лексики, ее систематизация и выявление генетических, типологических и исторических связей новогреческой мифологической лексики с соответствующей лексикой балканославянского ареала.

Поставленная цель предполагает решение следующих *задач*:

- на основании этнолингвистического анализа диалектной мифологической лексики реконструировать систему персонажей новогреческой народной демонологии;
- выделить наиболее значимые, «ключевые» образы греческой народной мифологии;
- определить ареалы имен и поверий о мифологических персонажах (далее – МП) на территории Греции;
- проследить исторические и типологические связи новогреческой лексики с лексикой южнославянских языков;
- выявить сходства и различия в мифологической лексике Новой Греции и балканославянского ареала;
- составить этнолингвистический словарь мифологической лексики новогреческого языка.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на научных конференциях по этнолингвистике, диалектологии, фольклористике и неоэллинистике: VI–XI конференции молодых специалистов по византистике и неоэллинистике (филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003–2008), «Традиционная культура современной Греции» (филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008), «Балканские чтения 8», «Балканские чтения 9» (Институт славяноведения РАН, 2005, 2007), «Славянские диалекты в ситуации языковых контактов» (Институт славяноведения РАН, 2006), «Голстовские чтения-12» (Ясная Поляна, 2008), «Христианские образы в народной культуре» (Государственный Институт Искусствознания, 2008).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка библиографии и приложения в виде словаря.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ И ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** определяется предмет исследования, сформулированы основные цели и задачи работы, описаны ее источники, дан обзор работ отечественных и зарубежных авторов, посвя-

щенных мифологической лексике новогреческого языка и языков балканославянского ареала, кратко изложена структура и содержание глав диссертации.

В первой главе диссертации «Система персонажей новогреческой мифологии и ее языковое выражение» описываются МП новогреческой системы, отмечаются особенности демонологической системы, выявляются основные, «ключевые» мифологические образы и приводится их развернутое описание.

В качестве одного из главных признаков МП указывается большая диалектная раздробленность представлений о нем, при этом одни и те же характеристики или мотивы в разных локальных традициях могут приписываться различным МП (например, функция нарушать беременность женщин, характерная для нереид, на Милосе приписывается вурдалакам; а пристрастие к мучным изделиям, сладостям, маслу, мелкие вредоносные действия, такие как пачкать еду и одежду в доме, характерные для каликандзаров, в регионе Анаселица считаются также признаками вурдалаков).

Для каждого МП выделяется определенный набор идентифицирующих признаков: имя, некоторые функции, время и место появления, характеристики внешнего облика¹. Совокупность этих признаков позволит отнести МП к тому или иному классу, при этом ни одна отдельно взятая характеристика МП, даже такая значимая, как его имя или название, не может быть абсолютным и единственным условием идентификации МП. В новогреческой системе были выделены двенадцать основных категорий. Приводимое распределение МП по группам является условным, так как многие из них могут быть отнесены к нескольким группам одновременно.

¹ См. схему описания МП в работе: *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // *Славянский и балканский фольклор.* Москва, 1994.

1. Духи-«хозяева», хранители.

Духи-«хозяева» природных локусов: **Νεράιδες** [neraides] ‘не-реиды’, **Γοργόνες** [gorgones] ‘горгоны’, **στοιχείο** [stihjo] ‘стихь’, **Αράρης** [arapis] ‘арап’.

Духи-«хозяева» дома и дворовых строений: **στοιχείο του σπιτιού** ‘стихь дома’, **φίδι** [fidi] ‘змея’.

Духи-хранители кладов: **Αράρης** [arapis] ‘арап’, **στοιχείο** [stihjo] ‘стихь’, **Μώρος** [moros] ‘мор’.

Дух-обогадитель: **Μώρος** [moros] ‘мор’, **φίδι** [fidi] ‘змея’.

2. МП-персонификация времени: **Πεφταργά** [peftarga], **η Αγία Παρασκευή** ‘святая Параскева’.

*МП, появляющиеся исключительно в строго определенное время: **Καλικάντζαροι** [kalikandzari] ‘каликандзары’ (святки).

3. МП, наделяющие новорожденного судьбой, предсказывающие будущее: **Μοίρες** [mires] ‘мойры’.

* МП, олицетворяющий удачу, везение: **Τύχη** [tichi] ‘удача’.

4. МП, вредящие роженицам и новорожденным: **Ανεμικές** [anemikes] ‘ветряные’, **Αερικές** [aerikes] ‘воздушные’.

5. Демоны-устрашители, которыми запугивают детей: **Μπουμπούλας** [bubulas] ‘бубулас’.

6. Духи болезней, эпидемий, смерти: **Πανούκλα** [panukla] ‘чума’, **Χολέρα** [holera] ‘холера’, **Βλογιά** [vlogja] ‘оспа’, **Χάρος** [hagos] ‘харон, смерть’.

7. **Διάβολος** [djavolos] ‘дьявол’ – с одной стороны, обобщенная фигура, «родовой» МП, который свободно может замещать собой практически любой МП. Вокруг этого персонажа концентрируется значительная часть общих демонологических мотивов, выражаясь в разных локальных традициях различными комбинациями. Дьявол олицетворяет «нечистую силу», а другие персонажи «низшей» мифологии (особенно nereиды, каликандзары,

вурдалаки, всевозможные стихье, привидения, духи-хранители) в народных представлениях также ассоциируются с «нечистью», поэтому дьявол выступает в качестве «родовой» фигуры в системе греческой демонологии, являясь вне- или даже над- системным персонажем. С другой стороны, это некий цельный МП, обладающий особыми признаками, в то время как многие распространенные мифологические функции ему не свойственны. Например, этот демон не происходит из «заложных» покойников, не живет в доме, не предсказывает судьбу и т.д. Это позволяет выделить его в конкретный «видовой» персонаж, обладающий рядом определенных характеристик.

8. МП, генетически связанные с культом умерших.

8.1. Души родственников, которые посещают дома в поминальные дни: **Ψυχές** [psihes] ‘души’.

8.2. Покойники, умершие неестественной смертью.

8.3. МП, генезис которых восходит к умершим неестественной смертью покойникам: **βρικόλακας** [vrikolakas] ‘вурдалак’, **τελώνιο** [telonjo] ‘привидение’, **νησκιά** [niskja] ‘тень’, а также **Νεραίδες** [neraides] ‘нереиды’, **Καλικάντζαροι** [kalikandzari] ‘каликандзары’.

9. Полудемоническое существо, то есть персонаж, обладающий как характеристиками человека, так и признаками демона: **Στρίγγλα** [stringla] ‘ведьма’, **Λάμια** [lamja] ‘ламия’.

10. Ведьмы, колдуны, знахарки и т.д., сознательно вступившие в связь с нечистой силой и благодаря этому получившие явные демонические свойства.

11. Люди-жертвы воздействия нечистой силы.

12. Люди, обладающие некими сверхъестественными способностями:

12.1 **Αλαφροϊσκιωτος** [alafroiskjotos] ‘человек с легкой тенью’.

12.2 **Ματιάρης** [matjaris] ‘глазливый’, **υαλούας** [ialuas] ‘глазливый’.

12.3 «Знающие» люди: умеющие снимать порчу, ворожить, гадать, лечить. К этой же группе примыкают представители мифологизированных профессий (пастухи, мельники, музыканты).

Не все персонажи новогреческой мифологии имеют четко прорисованный образ, подробный «портрет». Основные МП обладают большим числом признаков, функций, мотивов. Другие МП не имеют четкого образа, это «персонажи с ослабленной субстанциональностью» или «персонажи-имена» (*κακό πνεύμα* ‘злой дух’, *Μπουμπούλας* ‘МП, которым пугают непослушных детей’ и т. д.).

Среди новогреческих МП отмечаются как центральные, «ключевые», так и периферийные персонажи. К периферийным персонажам следуют отнести те, представления о которых обычно бытуют в рамках небольших локальных традиций, сведения о них разрозненны и не составляют единого целого. Для основных же персонажей, напротив, характерно широкое распространение как представлений о персонаже, так и его имен и названий, высокая частотность упоминаний о нем и, обычно, хорошо прорисованный «портрет» МП, то есть наличие большого числа отличительных характеристик, развернутых описаний внешности, его действий и функций, присутствие особых мифологических мотивов, связанных с этим персонажем. В диссертации в категорию «ключевых» выделены следующие МП: нереиды, Арап, стихьо, вурдалак, Мойры, каликандзары, смердаки (овечий демон), дьявол (черт). Помимо указанных выше особенностей эти МП обладают хорошей репрезентативностью, то есть через их образы можно представить новогреческую демонологическую систему в целом.

В основу принципа описания МП была положена схема описания мифологических персонажей, разработанная в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, однако для некоторых случаев в силу особенностей мифологического образа использовалась индивидуальная схема (например, при описании *стихьо*).

Отдельные параграфы первой главы диссертации содержат подробные описания всех «ключевых» новогреческих МП.

В выводах к первой главе подчеркивается необходимость комплексного подхода к классификации новогреческих МП, отмечаются особенности демонологической системы Греции.

Во второй главе «Славянские заимствования в греческой мифологической лексике» исследуются славизмы в новогреческой демонологической лексике, проводится этимологический анализ этих заимствований и устанавливается время их возникновения.

В первой части главы рассматриваются и анализируются такие очевидные диалектные славянские заимствования как *σμέος* [zmeos], *βίλα* [vila], *σαμοβίλα* [samovila]. Эти названия МП были зафиксированы на территории северной Греции; первым именем обозначали духа-хранителя озера, последними двумя – женских МП, аналогичных новогреческим *нереидам*. Наряду с лексемой *σμέος* из славянского окружения было заимствовано не только слово, но и сам персонаж греческой мифологии был наделен определенными «славянскими» свойствами (борьба с непогодой, с грозовыми тучами; защита посевов; способность вступать в любовную связь с женщиной). В отношении слов *βίλα* и *σαμοβίλα* по причине недостаточности материала оказалось сложно сделать аналогичные выводы о том, насколько описываемый греческий персонаж с именем *вила* отстает от общегреческой характеристики *нереиды*, и имеет ли он какие-либо специфические признаки, более характерные для славянской культуры.

Во второй части уделяется внимание лексемам, имеющим спорное происхождение, но, по мнению автора, восходящим к славянским корням: *βρυκόλακας* [vrikolakas], *μόρα* [mora], *σμερδάκι* [smerđaki], *ντιβέτσικας* [divetsikas].

Лексема *βρυκόλακας* ‘вурдалак’ возводится к южно-слав. *върколак* ‘вурдалак’ (от слав. *вълкъ* ‘волк’ + *длака* ‘шкура’).

Особый случай составляют лексемы *μόρος* [moros] ‘привидение, дух-хранитель’ и *μόρα* [mora] ‘женский МП, нападающий на спящих людей и душащий их во сне’. Несмотря на то что созда-

ется впечатление, что обе эти лексемы имеют общее происхождение, автор проходит к выводу, что для МП *μόρα* характерны черты, присущие широко распространенному в славянской культуре женскому демону *мора/мара*, а именно женский облик и функция «душить по ночам людей»; при этом названия типа *μόρα* характерны для Северной Греции, соседствующей со славянскими Болгарией и Македонией, что дает основания предположить, что эта лексема, а также сам МП имеют славянское происхождение. Для мужского персонажа под именем *μόρος* характерным ареалом распространения являются западные районы Греции, в говоре которых присутствует слово *μόρος* – *мавр*, и здесь можно говорить об итальянском влиянии (от. ит. *toro* ‘черный’) на греческий фольклор. Ареальный критерий помогает установить происхождение данных диалектных терминов в греческой народной традиции.

Последними в главе были рассмотрены слова *σμερδάκι* и *πιβέτσικας*, которыми обозначали «овечьего демона» – МП, нападающего на домашний скот и заражающего его неизлечимой болезнью. Если посмотреть на географию распространения термина *σμερδάκι*, оказывается, что эти названия действительно характерны для тех областей Греции, где с VII в. проживали славяне, ассимилированные греками уже к концу средних веков: это Навпактия (юг материковой Греции) и, в гораздо большей степени, центральный Пелопоннес (Аркадия, Мессиния, Трифилия, Триполи, Гортиния и т. д.), причем на Пелопоннесе эти названия имеют довольно компактный ареал распространения с четко выделяемым центром – Мантиния в Аркадии, в котором упоминания о МП с именем *σμερδάκι* наиболее часты. В этом же районе наряду с именем *σμερδάκι* употребляются и другие названия этого демона: *είδουλο*, *χαμόδράκι*, *δαϊμονικό*. Не углубляясь в подробное исследование соотношений основных характеристик МП с его именем, отметим, что в тех областях Греции, где слово *σμερδάκι* неизвестно, но присутствуют поверья о подобного рода демонических существах под другими именами, образ этого МП нечеткий, имеет размытые характеристики, само существо отличается значительно меньшей вредоносностью, чем аналогичный пелопоннесский демон, и прак-

тически отсутствуют упоминания о его половых сношениях с домашним скотом.

В выводах ко второй главе отмечается, что среди славянских заимствований в греческой мифологической лексике выделяются «явные заимствования» и «спорные случаи»; диалектные варианты, используемые на ограниченной территории (*σμέος, μόρα* и т. д.), и общегреческие «родовые» термины (*βρικόλακας*); древние заимствования (*σμερδάκι, βρικόλακας* и т. д.) и относительно недавние (*σμέος, μόρος* и т. д.). Довольно часто вместе с именем заимствовались и некоторые «славянские» черты МП, нехарактерные для аналогичного греческого демона (например, см. *σμέος*), или греческой культурой принимался целый комплекс ключевых поверий о том или ином МП (например, в случаях с *μόρα, σμερδάκι* и т. д.), или же, наоборот, в греческий язык приходила славянская лексема и затем получала широкое повсеместное распространение (например, *βρικόλακας*), но основные характеристики славянского персонажа (например, способность к обращению в волка, важная особенность славянского *вѣрколака*) не переходили в греческую культурную традицию (*βρικόλακας* описывается как зооморфное существо сравнительно редко, чаще преобладает антропоморфная ипостась).

Третья глава «Греческие заимствования в славянской мифологической лексике» посвящена исследованию грецизмов мифологического характера в южнославянских языках. Все греческие заимствования в южнославянских языках, согласно существующей научной традиции, делятся на «книжные» и «народные».

Исследованные заимствования «книжного характера» представляют собой довольно компактную группу лексем (*ангел, демон, дьявол, сатана, дракон*), встречающихся как в южнославянских, так в восточнославянских языках. В отношении этих лексем были сделаны следующие выводы:

1. Эти заимствования практически полностью сохраняют первоначальную семантику греческого корня.
2. Преимущественно – это существительные, от которых довольно редко образуются производные слова.

3. Все слова этой группы в разных южно- и восточнославянских языках обладают фонетической, морфологической и семантической однородностью, что обусловлено характером их заимствования. Особый случай в этой группе представляет лексема *ад*, с помощью которой может обозначаться место, не совсем соответствующее каноническим христианским представлениям, однако такое смещение книжных и народных воззрений характерно и для греческой традиции.

Все заимствованные лексемы этой группы относятся к сфере официальной религии. Проникая в славянский язык посредством переводной греческой литературы, слово фиксировалось в письменном виде в «официальном» литературном языке. Кроме того, значения этих заимствованных слов описывали новые для славянских народов реалии христианского содержания, новых МП, неизвестных славянской демонологической системе, поэтому представления о них не смешивались с уже существующими, но сохранялись в практически неизменном виде. Безусловно, в процессе исторического развития такие яркие образы как *демон*, *дьявол* претерпевали некоторые изменения, в разных локальных традициях приобретая новые черты, отличные от греческого прототипа, а сами персонажи обрастали новыми именами эвфемистического и апотропеического характера (ср. греч. *εξαρδῶ*, русск. *черт* и т. д.). Тем не менее, можно утверждать, что система христианских персонажей, обозначаемых в славянских языках с помощью заимствованных греческих лексем, довольно стабильна, что во многом объясняется ее статусом каноничной лексики официальной религии, где неприемлема поливариативность.

Совершенно иной оказывается ситуация с «народными» греческими заимствованиями. В их отношении обнаруживаются следующие характерные черты:

1. Большое число производных, образованных от греческих корней. Это может служить доказательством тому, что греческие заимствования, проникшие в народную культуру южных

славян, перестают восприниматься как чужеродные элементы, и осознаются как продуктивные элементы уже славянской культуры (например, большое словообразовательное гнездо образовано в болгарском языке от корня *орис-*).

2. Разнородный морфологический состав. Если среди книжных заимствований чаще всего встречаются существительные, то в сфере народной культуры от греческих корней образуются и существительные, и глаголы, и прилагательные (например, серб. *мађија* ‘магия, колдовство’, *мађијати* ‘колдовать’, *мађионичар*, *мађионик* ‘мелкий колдун’ и др.).

3. Диалектная поливариативность. Поскольку лексемы этой категории бытуют в разговорном языке, вне письменной закреплённости, возникают диалектные варианты слов, характерные для определенных географических ареалов (например, болг. *лам’я*, *л’амия*, *ламица*, *ламийка*, *ламийче*, *ламище*).

4. Значительные семантические колебания. Если для книжных заимствований характерна семантическая стабильность, то для «народных» заимствований особенностью является, наоборот, большое число новых значений, отступающих от первоначального значения греческого корня (например, болг. *дракос* и *дракус* приобретают новое значение ‘вампир’, не характерное для новогр. *дрáκος* ‘змей, дракон’, от которого были заимствованы эти лексемы).

В главе также рассматривается пример опосредованного греческого заимствования в славянских языках, которое осуществилось через турецкий язык. Это названия МП типа ⁺*таласом*, которые фиксируются практически повсюду в болгарско-македонско-восточносербском ареале. Этими лексемами обозначают как демонов–хранителей построек, происходящих от умерших людей (животных), так и духов – хранителей любых частей окружающей природы (например, источников), закопанных проклятых денег и т. д., а в некоторых областях (сербско-болгарское пограничье и ряд сел в восточной Болгарии) – вампира. В Визан-

тии употреблялось название *τέλεσμα* [telezma], которое восходит к глаголу *τελώ* ‘исполнять, выполнять, делать’ и встречалось оно уже в IV веке н. э.², однако широкое распространение слово получило в более позднюю эпоху. Обозначали им особые магические действия, с помощью которых неодушевленным предметам, чаще всего каким-либо постройкам (а еще раньше – статуям), придавали демоническую сущность, создавая для них духа-хранителя. Считалось, что с помощью этого обряда строение приобретает особую прочность. Затем это слово попало в турецкий язык, модифицировавшись в *dele-sim*, и оттуда, вероятнее всего, оно было заимствовано южнославянскими языками в качестве обозначений демонов-хранителей (а впоследствии и иных сходных по происхождению МП).

В четвертой главе «Балканские концептуальные мотивы в народной мифологии современной Греции и славянобалканского ареала» диссертационного исследования описываются некоторые общевалканские культурные мотивы.

В культуре Греции и Славии, особенно у балканских славян, присутствуют сходные представления о демонологических персонажах или мифологических явлениях, так или иначе связанных с семантическими доминантами ‘тень’, ‘полдень’, ‘суббота’, ‘ветер’. В новогреческом и славянских языках встречаются названия МП, обладающие сходной внутренней формой слова (ближайшей этимологией), причем основные характеристики этих персонажей также во многом совпадают.

Общим концептуальным мотивом ‘тень’ объединены греч. *ίσκιος, ήσκιος, ίσχύομα* и болг., макед. *сѣнк’а, сѣн’ѣ, сенишите, сенчишите* – ‘демон постройки, происходящий от замурованной тени/являющийся в виде тени’; греч. *νησκιά, σκιά* и серб. *тенџи, тенац, тѣнац, потеченик* болг. *тенџи, тенчоморац, тенец*, макед. *сенишите, сенка, senka* – ‘вампир, ходячий покойник’³.

² Πολίτης Ν.Γ. Παραδόσεις. Τόμος Β’. Αθήνα, 1994. Σ. 255.

³ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004, С. 215–216, 237.

Для другой группы слов общим оказывается концепт ‘ветер’: греч. *ανεμικά, ανεμικές, ανεμικό* и макед. *ветроштини*, серб. *ветрои, ветрошиње* – ‘вредоносные демоны, нападающие на людей и насылающие болезни’.

Для третьей – ‘суббота’: греч. *σαββατογεννημένος, σαββατιανός* и болг. *съботник, саботник, събутник, съботниче, съботничав, съботарник, съботенче*, серб. *суботник, суботан, суботњан, суботњак, соботњак* – ‘рожденный в субботу человек, обладающий сверхъестественными способностями’.

В выводах к четвертой главе определяются особенности такого сходства. В некоторых случаях сходство персонажей, их функций, свойств, внешнего облика, генезиса, пространственно-временных характеристик настолько полно, что можно говорить о балканизме, об общеполубалканском МП: «субботные» люди с внутренней формой ‘суббота’⁴, ‘вампир, ходячий покойник’ с внутренней формой ‘тьень’; ‘демон-хранитель постройки, происходящий от замурованной тени’ с внутренней формой ‘тьень’. В другом случае при сходстве наименований наблюдается только частичное совпадение характеристик МП: «полуденные» демоны (греч. *Μεσημέρες, Μεσημεριάτες*, ср. серб. *подне рогато*, а также в.-слав. *полудница*), основной, заглавный признак которых определяется их названием (время появления – полдень), а прочие характеристики могут как совпадать, так и не совпадать. В третьем случае сходная внутренняя форма названий МП определяется типологической общностью представлений о том или ином явлении, например о ветре, который мифологизируется в любой культуре. Особенностью рассмотренных в работе балканских МП, связанных с ветром, является то, что практически ни один из них не имеет четко прорисованного образа. Эти персонажи описываются просто как «вредоносные демоны, так или иначе связанные с ветром, особенно с вихрем», и мы не можем восстановить ни их

⁴Этот феномен был определен как балканизм и подробно исследован на южнославянском материале И.А. Седаковой (*Седакова И.А. Рождение и жизненный сценарий: «субботные» люди на Балканах // Славянское и балканское языкознание. М., 2003*).

внешний облик, ни их происхождение, ни их свойства и т. д. Связь с ветром прослеживается и у многих других известных МП (вилы/нереиды, ламя, змей, караконджол, дьявол). Это свидетельствует об общности греческих и южнославянских мифологизированных представлений об этом атмосферном явлении.

В Приложении представлен опыт составления этнолингвистического словаря новогреческой мифологии.

В Заключении подводятся итоги предпринятого исследования. Отмечается, что новогреческая мифологическая лексика значительно отличается от аналогичной лексики древнегреческого языка, так же, как и персонажный состав новогреческой мифологии отличается от мифологии Древней Греции, однако многочисленные элементы, совпадающие с античной традицией, являются доказательством непрерывности греческой культуры. Например, в Мойрах явно угадываются черты аналогичных древнегреческих персонажей: женская ипостась, тройственность, внешний облик, занятие прядением, функция наделять новорожденного судьбой. Другие МП имеют лишь косвенное, опосредованное отношение к древнегреческой мифологии, например, и названия нереид, и некоторые их признаки, такие, как связь с морской водой, множественность, функция заманивать юношей и т.д., указывают нам на происхождение этих персонажей от древнегреческих нереид; в то время как другие важные характеристики: связь с растительностью, с пресной водой (реки, источники, озера), функции вредить роженицам и новорожденным и т.д., являются новыми элементами образа нереиды.

Византийская культура, основанная на христианском сознании, также наложила отпечаток на народную демонологию Новой Греции. Самым ярким примером этому может служить осмысление многих МП как «нечисти», и представления о том, что крест, икона, молитва – самые действенные обереги от демонических существ. Многовековая история развития и многочисленные контакты с другими народами балканского и средиземноморского ареала оказали большое влияние на формирование нынешней сис-

темы персонажей, и можно говорить о создании общебалканского типа некоторых МП, например, святочных демонов *каликандзаров*, или женских персонажей типа *вила/самовила*, греческим аналогом которых являются *нерейды*.

Исторические условия постоянных контактов греков с языками и культурами южнославянского ареала привели к появлению в новогреческой системе некоторых новых МП, которые восходят к славянской традиции. Так, например, произошло с МП *мора* и *смердаки* с соответствующими лексемами (*мóра*, *σμερδάκι*), представления о которых перенимались греками у славян. В других случаях заимствовалось только слово, довольно рано в греческий язык пришла славянская лексема *вѣрколак* > *βρυκόλακας*, затем она получила широкое повсеместное распространение, однако основные характеристики одноименного славянского персонажа (например, способность к оборотничеству) в греческую культурную традицию не перешли.

Система персонажей новогреческой демонологии состоит из множества разнородных образов, среди которых можно выделить группу центральных, или «ключевых» персонажей (нерейды, стихьо, вурдалак, мойры, каликандзары, смердаки, черт), обладающих развернутыми характеристиками, имеющих обширные ареалы распространения на территории греческого мира, наиболее часто упоминаемых в мифологическом контексте, и второстепенных персонажей (Бубуласа, Пефтаргу, Каламодонтес и т. д.), сведения о которых более скудны.

Говоря о греческих мифологических заимствованиях в балканославянских языках, следует разграничивать «книжные» и «народные» заимствования. Для грецизмов книжного происхождения характерной особенностью является широкий ареал их распространения – как в южных, так и в восточных славянских языках, что обусловлено религиозным характером этой лексики. В интересующей нас сфере народной мифологии грецизмов сравнительно немного, при этом они практически полностью сохраняют свое первоначальное греческое значение. Сама система МП, обозначаемых в балканославянских языках с помощью грецизмов, также довольно стабильна, что объясняется особенностями ее про-

исхождения. Для заимствований в сфере народной культуры были обнаружены следующие особенности: большое число производных слов, образовавшихся от заимствованной лексемы; разнородность морфологического состава; диалектная поливариативность и значительные семантические колебания в зависимости от региона, в котором было зафиксировано слово.

Кроме непосредственно лексических заимствований в сфере мифологии нами были рассмотрены некоторые концептуальные корни ('тень', 'полдень', 'суббота', 'ветер'), общие для народной культуры Греции и балканославянских народов. Как показало исследование, зачастую такая общность представления о МП и схожесть мотивов номинации персонажа обусловлены наличием неких единых общебалканских представлений о том или ином явлении.

Новогреческая мифологическая лексика представляет собой интересный материал для научного исследования, изучать который можно с помощью разных методов анализа: с помощью этимологического анализа названия МП можно определить исторические корни происхождения самого персонажа, как это было показано на примере *σμερδάκι*; посредством анализа внутренней формы слова – выявить в новогреческом и южнославянских языках то общее, что объединяет мифологию этих регионов (общие представления и способы номинации, основанные на каком-либо едином балканском концепте, например, рассмотренные в четвертой главе диссертации названия, связанные с концептуальным мотивом 'тень') или схожие представления о мифологизированном явлении (названия, связанные с концептом 'ветер').

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

Публикации в изданиях по списку, утвержденному ВАК РФ

1. О некоторых славянских заимствованиях в новогреческой мифологической лексике // Славяноведение. № 5, М., 2008. С. 88–96.
2. Женские персонажи в новогреческой мифологии // Традиционная культура. № 1, М., 2009. С. 72–81.

Публикации в других изданиях

3. Восточные мотивы в новогреческой мифологии // Балканские чтения 7. В поисках «ориентального» на Балканах. М., 2003. С. 127–129.
4. Вурдалак в народной культуре современной Греции // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М., 2003. С. 274–287.
5. Нереиды в традиционной культуре современной Греции // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08-03.09.2004). Санкт-Петербург, 2004. С. 164–183.
6. Демоны места в новогреческой традиции (лексический аспект) // Балканские чтения 8. В поисках «западного» на Балканах. М., 2005. С. 136–138.
7. Стихью – дух-покровитель места в новогреческой мифологии и некоторые славянские параллели // Исследования по славянской диалектологии 12. М., 2006. С. 114–130.
8. Балканские концепты в народной мифологии современной Греции и славянобалканского ареала // Исследования по славянской диалектологии 13. М., 2008. С. 251–266.
9. Греческие заимствования в балканославянской мифологической лексике // Материалы XV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008» М., МГУ им. М.В. Ломоносова 7–11 апреля 2008 г. С. 284–286.

Для заметок